

Я не пишу о нем сентиментальную историю. Я пишу его драматическую историю. Мы разговаривали по телефону с Ниной Шацкой, "звездой" Таганки, несколько месяцев кряду. "Плохо". "Плохо". "Давайте в субботу". "Нет, опять неважно". "Лучше". "Знаете, впервые сказал, что он выкарабкается. Позвоните завтра". "Даю его вам". "В это воскресенье". Нина Шацкая - жена Леонида Филатова. За два дня до меня к нему приходили министр кинематографии Армен Медведев с друзьями поздравить с присвоением звания народного России. Теперь в квартире много роз. И много белого цвета. Даже любимица кошка белая. Шацкая тоже - великолепная блондинка. Но важно не это, а то, что она его очень любит. Сказала мне: "Он необыкновенный. Один такой". Я донесла ему. В ответ протянул: "Жена-а... Ну хочет иметь такую легенду". Скажу с одесским акцентом: она и имеет. Легенду.

Думала, что увижу его в постели. Он встретил меня в белых штанах, почти элегантный, только неимоверно худой. Речь четкая. Мозг работает превосходно.

- Что с вами случилось, Лена?
- О, это неинтересная тема. Ин-

Он и она.

Комс. правда от 1996 8 мая. - С. 6.

«На том свете хорошая компания...»

Леонид Филатов - о жизни, любви и смерти

сульт. На почве почек, как выяснилось спустя три года.

- Это было до того, как вы начали программу?

- Одновременно.

- И вы всю программу вели, будучи больным?

- Болезнь была

такая стран-

ная. Ни-

чего,

Я понял, что грешил много. И поэтому есть возмездие

возмездие. Как аукнется, так откликнется.

- Что вменяете себе в вину?

- Вот то, что злой был. Может, это не выразалось

ясно, но сейчас понимаю, что был. В молодости это как бы еще

оправдываемо. Но я был такой же против-

ный в возрасте, когда уже

нельзя, когда люди успокаива-

ются. Я был зол на весь мир и

брезглив. Была целая серия ин-

тервью в газетах, пока я их не пре-

кратил. Такая пора, когда я всех

отторгал, всех обвинял. На каком-

этапе понял, что это смешно. Я

делал такую стихотворную сказку

по Гоцци, и там у меня принц, ко-

торый болен ипохондрией. И он

говорит про себя: "Я круглый

идиот, я принц Тарталья, безум-

ные глаза таращу вдаль я. В моей

башке случился перекос: я ем мы-

шей, лягушек и стрекоз, свобод-

ный от морали и закона, я прину-

родно писаю с балкона". И так да-

лее. "Какой болезнью я ни одер-

жусь, повинен в ней сегоднешний

режим". Это немножко автобио-

графично, я вдруг понял. Все пло-

хо, все плохие, мир поменялся. А

это не совсем так. Вот, я думаю,

и наказание пришло. За многое.

Многое было мимо денег.

- То есть?

- Ну, свой гнев расходовал на

людей, которые этого не заслужи-

вали. Один из самых ярких

примеров - Эфрос. Я был

недоброжелателем. Жесток, прямо

сказать. По-

тому что

п р и

неко-

тором

п р я ж е н и

и мозгов понять его

было можно. Если не

хотеть понимать - тогда

нельзя.

Хочу напомнить: лучший режис-

сер той эпохи Анатолий Васильевич

Эфрос пришел в Театр на Таганке,

когда режиссера Таганки Юрия

Петровича Любимова оттуда про-

гнали. Такой многофигурный ком-

позиционный ход театрального на-

чальства, интриганов-управлен-

цев, воспользовавшихся тем, что

Эфрос переживал в это время свою

драму в своем Театре на Бронной и

ему просто было некуда деться. А

он хотел работать. И думал, что

сможет продолжать работать с

людьми, которых полюбил, сделав с

ними - по предложению Любимова -

потрясающий спектакль "Вишне-

вый сад". Он ошибся. Он был тон-

кий, деликатный, искренний, глу-

бокий, молчаливый человек. А часть

актеров его возненавидела - якобы

за предательское поведение по от-

ношению к опальному Любимову.

Леонид Филатов, также "звезда"

Таганки, оказался среди последних.

- Вообще его внесли бы в театр

на руках. Если б только он при-

шел по-другому. Не с начальст-

вом. Это все понимали. Но при

этом все ошетинились. Хотя од-

новременно было его и жалко.

Как бы дальним зрением я пони-

мал, что вся усущка-утруска про-

изойдет и мы будем не правы...

- Это вы тогда уже пони-

мали?

- Да.

- И все-таки внутренне

не могли с собой сладить?

- Вот это и есть такая рас-

пущенность сиюсекундная.

Я б ушел из театра и так, но

ушел бы, не хлопая громко дверью. Сейчас. Тогда мне все каза-

лось надо делать громко. Но он

опять сделал гениальный режис-

серский ход. Взял и умер. Как

будто ему надоело с вами, мело-

чью...

- Он снится вам? Какие-то

разговоры ведете?

- Не снится. Разговоры веду.

- Я его очень любила...

- У меня тоже очень странное

отношение: я его до прихода в те-

атр тоже очень любил. Любил та-

кую верной любовью, понимая,

что он номер один. Номер один

даже по сравнению с Петровичем

нашим. Ну вот. Так сложилось. И

никуда не деться, я с этим живу.

- Вы не ходили свечку не стави-

ли? На могиле не были?

- Свечку ставил. На могиле не

был. Мне кажется, это неприлич-

но. Встретить там его близких -

совсем...

- Вы должны сделать шаг,

извиниться.

- За смерть не извиняются. Это

как бы теперь уже мое личное де-

ло.

- А в чем по жизни выражался

ваш грех? Вы что-то ему сказали,

плюнули в лицо?..

- Нет, я выступил на 30-летию

"Современни-

ка", куда

ушел, и, так

как это бо-

лело, я

стишок

такой

прочитал.

Как бы сенти-

ментальный, но

там было: "Наши дети

мудры, их нельзя удержать

от вопроса, почему все случи-

лось не эдак, а именно так, поче-

му возле имени, скажем, того же

Эфроса будет вечно гореть вот

такой вопросительный знак". Хотя

это было почти за год до его смер-

ти, но он был очень ранен. Как

мне говорили.

- Он, наверно, вас тоже любил?

- Мне кажется. Потому что он

неоднократно предлагал мне

работать. Причем так настойчиво.

Можно сказать, настырно. Он го-

ворил: Лен, ты мне скажи, ты бу-

дешь работать или не будешь? А я

как бы так шлеялся по театру, в

"На дне" работать не хотел.

- Как жалко.

- Он меня все на Васюку Пепла

тянул. Я говорю: у вас же репети-

рует Золотухин, вы его в дурацкое

положение поставите, у нас не

бывает второго состава...

- Ой ли?

- Ну бывает, конечно. Это я уж

сторяча. Ну он, огорченный, - он

не злился никогда - так, пожимал

плечами и отходил...

- У вас был такой период, когда

вы пали духом. А сейчас думаете,

что выкарабкаетесь, так?

- Ну, ничего не знаю. Операция

неизбежна по подсказке почки. А

что там бывает после, ничего

внятного сказать не могу. Могу

сказать про реанимацию -

вещь для меня близкую

и понятную. Пер-

вый раз, когда

я попал в

реани-

ние невероятной легкости. Ни

плаксивости, ничего не жалко,

нет, необычайная легкость. Люди

живут, умирают, там много хоро-

ших людей, там хорошая компа-

ния - такие обрывки приходили в

голову.

- А потом?

- Потом захотелось жить, есте-

ственно.

- Лена, а любовь? Она какую

роль играет в вашей жизни?

- Были когда-то и мы рысакми...

Когда был помоложе, терзали

людей разного рода страсти. Даже к

моей нынешней жене. Не даже, а

главным образом.

- Не сразу складывалось?

- Не сразу, нет. Она была заму-

жем. За Золотухиным.

- А вы - женаты?

- Да.

- У вас нет своих детей?

- Нет, к сожалению. Он маль-

чик неплохой получил. Свя-

щенник. У меня уже есть внучка.

- В любви вы были тоже эго-

стичны, настойчивы и жестки?

- Наверно. Наверно.

- Но все-таки в результате вы

получили такую жену, которую по-

любите вы и которая любит вас, и это

серьезное испытание...

- Да, слава Богу, это не про-

машка, не какая-то ошибка,

столько крови было пролито,

столько нервов, это было бы

страшно, если б оказалось...

- Значит, Бог вас не совсем оста-

вил, он вас еще любит.

- Ну, не знаю, любит ли, но го-

ворят, что, посылая болезнь, Он

не наказывает, а испытывает. И

поправляет. Значит, что-то дела-

ешь не так.

- Стало быть, эти три года были

годами размышлений...

- А больше мне ничего не оста-

валось делать.

- Ну а теперь полюбили мир?

- Нет еще. Еще нет. Но на пути.

Потому что я понимаю, что я...

Дураком все равно помереть не

хочется.

- Вот это пушкинское "И с от-

вращением читая жизнь свою" - на

самом деле почти азбучная вещь...

- "Я трепещу и проклинаю" ... и

что там дальше?..

- "И слезы лью..."

- Там еще что-то, надо посмот-

реть, там контрапункт какой-то...

- Вы делаете на ТВ программу -

чтобы помнили после смерти, а я

делаю - как жить при жизни...

- У вас потруднее задачка-то.

- Вы согласитесь сняться в моей

программе?

- Пожалуй.

Когда-то он приехал из Ашхаба-

да в Москву поступать на режис-